

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Гейнце Ольги Викторовны «Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступлений», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

Стратегическая идея об установлении уголовной ответственности за посредничество в совершении преступления не нова для отечественной доктрины уголовного права. Ответственность за оказание посреднических услуг при совершении отдельных преступлений давно отражена и в уголовном законодательстве. Б.В. Волженкин в известной статье о квалификации посредничества во взяточничестве ссылался на записку, датированную маем 1918 г., в которой В.И. Ленин обозначал Д.И. Курскому необходимость немедленного внесения законопроекта о наказании за взяточничество, где наряду с другими разновидностями этого преступления называл и «сводку для взятки»¹. Конечно, существуют и значительно более ранние свидетельства криминализации посреднических услуг, однако все они лишь отражают существование в определенный исторический период социально-политического запроса на точечное усиление уголовной репрессии, вплоть до распространения ответственности за совершение конкретного преступления на фигуры посредников. Из числа последних импульсов развития означенной темы следует выделить введение в УК РФ части 5 статьи 184, статей 204¹ и 291¹.

Качественно иная идея: общий запрет на посредничество в совершении преступлений путем выделения самостоятельного вида соучастника – посредника. В современных условиях развития рыночной экономики, товарооборота фигура посредника не выглядит чем-то экзотичным или «спекулятивным», скорее наоборот, посреднические услуги есть неотъемлемая со-

¹ Волженкин Б.В. Квалификация посредничества во взяточничестве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1979. № 4. С. 56.

ставляющая любой коллективной деятельности. Сказанное в равной мере распространимо и на отношения в преступном мире. Более того, в силу своей законспирированности криминальная сфера жизни общества в еще большей степени подвержена расслоению и включению посреднических «прослоек». Казалось бы, уголовная ответственность за посредничество в совершении преступления имеет исчерпывающие основания.

Между тем и в уголовном законе, и доктрине уголовного права соучастники преступления делятся на виды в зависимости от выполняемой ими функциональной роли. При этом принципиальным условием выделения того или иного вида соучастника является типичность его роли – возможность ее включения и исполнения при совершении любого умышленного преступления. В этой связи отраженная в статье 33 УК РФ законодательная классификация обладает универсальным и столь устойчивым, непоколебимым характером. Очевиден вопрос: соответствует ли критерию типичности фигура посредника, или его роль все же слишком локальна для признания посредника самостоятельным видом соучастника? Решению этих дискуссионных вопросов, а также множества иных проблем уголовной ответственности за посредничество в совершении преступления посвящено исследование О.В. Гейнце. Подготовка автором диссертации, в которой плодотворно исследуется посредник и его место в институте соучастия, является весьма *значимым, полезным и актуальным* событием в науке уголовного права.

Опрометчиво было бы заявлять, что вопросы уголовной ответственности за посредничество в совершении преступления не выступали предметом исследований в области уголовного права. Однако среди диссертаций, специально посвященных посредничеству, труд О.В. Гейнце по праву является не только одним из первых (из более ранних можно выделить, пожалуй, только исследования А.Н. Кугатова и А.Ю. Сунгатуллина), но и наиболее концептуальным и эмпирически обоснованным, в том числе за счет продолжительного периода действия уголовно-правовых норм об ответственности за посредничество в совершении отдельных преступлений (часть 5 статьи 184, статьи 204¹ и 291¹ УК РФ) и наличия сформировавшегося в результате этого масси-

ва правоприменительной практики. При этом многие важнейшие проблемы, связанные с противодействием криминальному посредничеству и действиям посредника при совершении конкретных преступлений в частности, не получили научно обоснованного решения либо продолжают оставаться весьма дискуссионными. На теоретическом уровне не в полной мере решены вопросы правовой оценки преступного посредничества, его места в системе криминальных явлений, соотношения с институтами и нормами уголовного закона, обоснования перспектив дополнительной криминализации посредничества в совершении преступлений, разработки рекомендаций по квалификации посреднических действий. С учетом отмеченных обстоятельств *уровень научной разработанности* рассматриваемых в диссертации проблем нельзя признать достаточным.

Научная новизна диссертации не вызывает никаких сомнений и определяется кругом поднятых автором проблем, а также содержанием предложенных подходов к их решению. Исследование, казалось бы, лишь одного из проявлений соучастия в преступлении автор базирует на изучении и преломлении к рассматриваемой проблематике таких концептуальных вопросов как понятие преступления, правовая природа посредничества и историческое обоснование его наказуемости, основание уголовной ответственности, позитивная уголовная ответственность, добровольный отказ от совершения преступления, общие правила квалификации преступлений.

Одним из достоинств рецензируемого труда следует признать авторское предложение о дополнении условий специального случая деятельного раскаяния, регламентированного в примечании к статье 291¹ УК РФ, альтернативным указанием на активное содействие расследованию преступления наряду с активным содействием раскрытию преступления и (или) пресечению преступления и добровольным сообщением о совершенном преступлении (положение 8, выносимое на защиту). С опорой на судебную практику диссертант убедительно доказывает, что содействие расследованию преступления также представляет собой положительное проявление посткриминального поведения со стороны лица, его влияние на ход и

результаты предварительного расследования, выявление и изобличение других лиц, совершивших преступления, может быть весьма значительными, однако данное обстоятельство в силу пробельности уголовного закона сегодня не учитывается судами при решении вопроса об освобождении посредников от уголовной ответственности.

В качестве положительного следует отметить проработку автором вопроса о недопущении двойной квалификации посреднических действий, что в полной мере отвечает принципу *non bis in idem* (с. 71). Так, обосновывая необходимость противодействия посредничеству не только посредством закрепления самостоятельных составов преступлений в Особенной части УК РФ, но и путем отражения посредника как нового вида соучастника в Общей части, диссертант предусмотрительно исходит из того, что «в этом случае отдельное, самостоятельное криминализованное посредничество, преобразуется в специальный вид соучастия, а его конкуренция с положениями Общей части УК РФ о соучастии может быть разрешена в соответствии с правилом о приоритете нормы Особенной части УК РФ». С учетом того, что науке известны предложения о необходимости квалификации действий соучастника (подстрекателя к террористическому акту) как идеальной совокупности соучастия *sui generis* (статья 205¹ УК РФ) и классического соучастия (часть 4 статьи 33, статья 205 УК РФ)², разъяснения диссертанта в этой части представляются весьма важными и своевременными.

Всяческого одобрения заслуживает предложение автора о криминализации преступного посредничества, совершенного в размере менее значительного, посредством корректировки положений ст. 291¹, 204¹ УК РФ (положение 7, выносимое на защиту, с. 73, 74, 156). Действительно, с учетом объекта уголовно-правовой охраны сам по себе размер незаконного вознаграждения не должен рассматриваться как нивелирующий общественную опасность. Ценность этого положения не ограничивается интересами усиления уголовной репрессии и видится также в достижении полноты юридиче-

² Серебряков А.В. К вопросу о квалификации содействия террористической деятельности // Общество и право. 2010. № 4. С. 191-194.

ской квалификации. Как справедливо отмечает автор, ввиду отсутствия квалифицированного состава посредничества по признаку сопряженности с вымогательством взятки, посредник при отсутствии других квалифицирующих признаков не будет подлежать уголовной ответственности, если размер взятки составляет менее значительного, тогда как действия взяткополучателя могут быть квалифицированы по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ как тяжкое преступление.

Несомненной заслугой О.В. Гейнце является глубокий ретроспективный и компаративистский анализ опыта уголовно-правовой борьбы с посредничеством в совершении преступления: в работе используются отсылки к зарубежному и международному опыту правового регулирования (уголовные кодексы Республики Беларусь, Республики Армения, Украины, Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Польша, Франции, Японии, КНР, ФРГ, Испании и др.). Примечательно, что результаты этого анализа весьма плодотворно использованы диссертантом при обосновании положений, выносимых на защиту. К примеру, особенностью российского законодательства автор называет сочетание одновременно нескольких вариантов уголовно-правового запрета преступного посредничества: это посредничество, квалифицируемое по норме Особенной части УК РФ, и посредничество, квалифицируемое по правилам института соучастия, что не характерно для зарубежных правопорядков (с. 39).

Помимо исследования традиционных вопросов уголовной ответственности за посредничество в совершении преступления в работе самым тщательным образом изучены и, по нашему мнению, удачно решены многие частные вопросы, порожденные современной практикой борьбы с преступностью:

– с учетом анализа правоприменительной практики и доктринальных положений доказана целесообразность сохранения самостоятельной криминализации отдельных видов посредничества, в частности по преступлениям коррупционной направленности (положение 5, выносимое на защиту, с. 70-73, 80);

– сформулированы имеющие высокую прикладную ценность частные правила квалификации посредничества во взяточничестве и в коммерческом подкупе (положение 6, выносимое на защиту), в том числе обосновано, что если обещание и предложение посредничества были доведены до сведения минимум двух сторон преступного соглашения, то данные действия образуют оконченное посредничество в виде способствования достижению или реализации преступного соглашения (с. 134);

– посредством критической оценки аргументов иных авторов в совокупности с историко-правовым и компаративным анализом преступного посредничества обоснована необходимость признания посредника новым видом соучастника при сохранении в Особенной части УК РФ норм об ответственности за наиболее распространенные виды посредничества, сформулированы критерии отграничения посредника от иных участников преступления, а также от посредника – исполнителя самостоятельно криминализованного посредничества (положение 4, выносимое на защиту);

– обстоятельно рассмотрена проблема и выявлены причины неприменения на практике ст. 184 УК РФ, предусматривающей ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, предложена формулировка понятия посредничества применительно к преступлениям указанной категории (с. 144-147). Как верно отмечает автор, «необходимость включения в ч. 5 ст. 184 УК РФ понятия преступного посредничества при оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса очевидна, поскольку при отсутствии понятия преступного посредничества как такового в Общей части УК РФ содержание диспозиции ч. 5 ст. 184 УК РФ становится неопределенным»;

– унифицированы и дополнены законодательные рекомендации, направленные на корректировку существующих норм об ответственности за посредничество во взяточничестве и коммерческом подкупе (положение 7, выносимое на защиту). Следует поддержать категоричность вывода соискателя о необходимости снижения или уравнивания наказания за обещание и

предложение посредничества по ч. 5 ст. 291¹, ч. 4 ст. 204¹ УК РФ до размера наказания за посредничество по ч. 1 ст. 291¹, ч. 1 ст. 204¹ УК РФ (с. 135);

– проведен исчерпывающий анализ и разрешены спорные случаи определения момента окончания преступного посредничества. К примеру, момент окончания посредничества в случае, если соответствующие действия (бездействие) были совершены взяточполучателем или получателем коммерческого подкупа в период нахождения в занимаемой должности, а ценности получены после увольнения, предлагается устанавливать по общему правилу и считать преступление оконченным с момента передачи хотя бы части передаваемых ценностей (с. 151, 152).

Разработку этих и обоснование многих других содержащихся в диссертации теоретических выводов и практических предложений можно оценить как личный вклад диссертанта в дальнейшее развитие концептуальных основ учения о соучастии и о посредничестве в совершении преступлений, в частности. Помимо этого, результаты исследования подчеркивают научную зрелость О.В. Гейнце и оригинальность ее научных суждений, в полной мере проявленных в ходе рассмотрения сложных методологических проблем, в том числе и полемического характера.

Содержащиеся в диссертации теоретические конструкции и законопроектные новации являются следствием примененных диссертантом разнообразных методов и приемов ведения научного поиска, использования широкого круга нормативных и научных источников. Автор формулирует свои выводы и предложения, опираясь на глубокое познание социальных предпосылок установления ответственности за посредничество в совершении преступления, осмысление доктринальных концепций отечественных ученых в области общей теории права, уголовного права и криминологии.

Теоретические положения, выводы и предложения прикладного характера, сформулированные в результате проведенного диссертационного исследования, представляются обоснованными и достоверными, опирающимися на солидную методологическую, методическую и нормативную базу, а также эмпирическую основу исследования (в частности, на собранные с 2014

по первое полугодие 2021 г. материалы судебной практики по уголовным делам о преступлениях, совершаемых с участием посредника; результаты анализа данных статистики МВД России, Генеральной прокуратуры РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Управления судебного департамента в Республике Хакасия о состоянии и тенденциях преступности и судимости преступлений, связанных с преступным посредничеством; материалы анализа и обобщения 540 судебных актов по уголовным делам, рассмотренных судами Краснодарского, Ставропольского, Забайкальского, Красноярского, Приморского краев, Липецкой, Рязанской, Астраханской, Тульской, Калужской областей, республик Хакасия, Татарстан, Дагестан, Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкария; данные, полученные в ходе изучения документов Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ; итоги анализа правовых позиций Верховного Суда РФ, сформулированных в десяти постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, по вопросам квалификации коррупционных и иных преступлений, связанных с преступным посредничеством; данные экспертного опроса шестидесяти федеральных судей, рассматривающих уголовные дела).

Диссертанту удастся доступным и лаконичным языком рассуждать о сложных теоретических конструкциях, к примеру, исследуя вопрос разграничения посреднических и пособнических действий, автор заключает: «Отграничение посредничества от пособничества представляет определённую сложность ввиду схожести данных деяний, заключающихся в оказании содействия в совершении преступления. Однако основной характеристикой пособника является отсутствие его непосредственного участия в выполнении объективной стороны преступления, тогда как посредник вполне может и зачастую активно участвует в выполнении объективной стороны преступления, например взяточничества» (с. 57).

Структура работы, включающая три главы и десять параграфов, в полной мере подчинена цели и задачам исследования, а потому представляется логичной, последовательной и завершённой. Основные выводы, предложения

и рекомендации диссертационного исследования были представлены автором в 5 публикациях, среди которых 4 научные статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Автореферат и опубликованные по теме диссертации работы отражают ее основное содержание. Однако, как и всякая творческая работа, диссертация О.В. Гейнце не лишена отдельных спорных либо требующих дополнительной аргументации положений.

1. Несомненной научной новизной обладают выводы соискателя о признании посредника новым видом соучастника в части разработки условий добровольного отказа посредника от совершения преступления. Так, в положении 4, выносимом на защиту, и на страницах 70, 105 диссертации автор предлагает распространить на посредника правила добровольного отказа от совершения преступления, предусмотренные для пособника (часть 4 статьи 31 УК РФ), как наиболее близкого к посреднику вида соучастника, т.е. если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления (преступлений) участников преступного соглашения. Вместе с тем полагаем, что формулирование условий добровольного отказа посредника по образцу условий пособника не может происходить лишь на основании «наибольшей близости» указанных соучастников.

Согласно устоявшемуся в доктрине мнению существование более щадящих условий добровольного отказа для пособника, чем для организатора и подстрекателя, является прямым (и, пожалуй, единственным) свидетельством его меньшей общественной опасности. К слову, автору настоящего отзыва подобный подход представляется малоубедительным, поскольку уголовная ответственность соучастников не дифференцируется только по причине юридического признания выполнения той или иной функциональной роли (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник). Об этом прямо свидетельствуют положения части 1 статьи 67 УК РФ «Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии», на основании которой индивидуализация наказания за преступление, совершенное в соучастии, строится на

обязательном учете иных вполне понятных обстоятельств, в том числе фактического участия лица в совершении преступления.

С учетом изложенного, дополнительного осмысления, на наш взгляд, требует вопрос обоснованности формулирования облегченных условий добровольного отказа для посредника. Если же соискатель в своей аргументации руководствуется меньшей общественной опасностью посредника относительно иных видов соучастников, предлагаем обсудить возможность прямого отражения такой дифференциации в УК РФ по образцу зарубежных правовых порядков. В частности, в уголовном законодательстве Федеративной Республики Германии указано, что установление признака пособничества (признание лица пособником) обязывает судью понизить меры уголовной ответственности в отношении него³.

2. Определенные опасения вызывает предложенная автором концепция «дублирования» регламентации посреднических деяний (положения 3 и 4, выносимые на защиту), то есть одновременное закрепление посредника в качестве самостоятельного вида соучастника и конструирование (сохранение) составов преступлений, предусматривающих ответственность за посредничество в отдельных преступлениях. Понимая очевидные плюсы конструкции соучастия *sui generis*, тем не менее повторим основной аргумент «против» (из вступительной части настоящего отзыва): соучастники преступления делятся на виды в зависимости от выполняемой ими функциональной роли, при этом принципиальным условием выделения того или иного вида соучастника является типичность его роли – возможность ее включения и исполнения при совершении любого умышленного преступления. Соответствует ли такому критерию «типичности» фигура посредника?

Соискатель обоснованно упоминает о перспективных с точки зрения самостоятельной криминализации посреднических действиях: незаконный оборот наркотических средств, оружия, торговля людьми (положения 5, выносимое на защиту, и страница 80 диссертации). Представляется, что это те немногие деяния, которые в совокупности с уже существующими составами

³ Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 515.

(часть 5 статьи 184, статьи 204¹ и 291¹ УК РФ) в действительности и очерчивают потенциальный круг «посреднических» преступлений. При установлении же уголовной ответственности за посредничество в Особенной части УК РФ применительно к незаконному обороту наркотических средств, оружия, торговле людьми, ничего не останется на долю посредника как вида соучастника (предлагаемого к закреплению в части 6 статьи 33 УК РФ).

3. Из текста диссертации остается непонятным, допускает ли диссертант возможность сложного соучастия в посредничестве, отраженном в качестве самостоятельных преступлений в Особенной части УК РФ, будь то организация, пособничество или подстрекательство к посредничеству. Заметим, что применительно к преступлениям террористической направленности данный вопрос представляется решенным как на теоретическом, так и на практическом уровне, что, очевидно, объясняется исключительной общественной опасностью терроризма (о чем свидетельствует неприменение сроков давности, повышенные пределы максимально возможного срока лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений или приговоров, невозможность назначения условного осуждения за совершение террористических преступлений и т.д.). Так, лицо, предоставившее информацию о возможных путях финансирования терроризма, подлежит привлечению к уголовной ответственности по части 5 статьи 33, части 1¹ статьи 205¹ УК РФ (что фактически образует пособничество в пособничестве терроризму).

Однако обладают ли схожие действия сложных соучастников, совершенные в целях обеспечения посредничества, необходимым уровнем общественной опасности для признания их преступными? К примеру, должно ли признаваться уголовно наказуемым предоставление переговорной комнаты или отдельного зала в ресторане, если администратор или собственник при этом осознает, что это помещение будет использоваться для достижения договоренности о совершении преступления или для непосредственной передачи предмета преступления (условно, для дачи взятки)?

Высказанные замечания и пожелания не снижают общей положительной оценки диссертации О.В. Гейнце, представляющей собой завершённую

научно-квалификационную работу монографического характера, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для дальнейшего развития науки уголовного права и практики борьбы с преступлениями, совершаемыми с участием посредника.

Диссертация на тему: «Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступлений» соответствует требованиям, установленным п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор – Гейнце Ольга Викторовна – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право),
доцент кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

31 марта 2022 г.

Денис Анатольевич Мелешко

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
msal@msal.ru
www.msal.ru
+ 7 499 244-88-88
e-mail: dameleshko@msal.ru

ПОДПИСЬ Мелешко Д.А.
ЗАВЕРЯЮ

Начальник отдела
Управления кадров Д.Б. Красильник
«31» 03 2022 г.

